

Люди

биографии, истории, факты, фотографии

13.07.2009 [Ольга Романцова](#)

Я был самым самонадеянным солистом

Всемирно известного русского баритона Дмитрия Хворостовского можно услышать скорее на сценах прославленных мировых театров, чем в России. Он часто и с большим успехом выступает с сольными концертами в самых известных концертных залах. А недавно он решил расширить сферу своей деятельности и вступил на поле поп-музыки, записав диск с композитором Игорем Крутым. О ближайших планах певца и его оценке современного музыкального театра Дмитрия ХВОРОСТОВСКОГО расспросила корреспондент «НИ».

– Дмитрий Александрович, а на вашу жизнь повлиял мировой финансовый кризис?

– В России меня все время об этом спрашивают. На мое финансовое положение кризис не влияет, на мое физическое состояние – тоже. Я как пел, так и пою. Может быть, гонорары в следующем сезоне будут ниже. Поживем – увидим. Но я по-прежнему работаю довольно много и напряженно. В общем, можно сказать, что кризис никак на меня не повлиял. Мои концертные амбиции даже увеличиваются. А почему вы задали мне этот вопрос?

– Я знаю, театр «Метрополитен опера» изменил свои планы на следующий сезон: новых опер там ставить не будут. А, например, Московская филармония договорилась со всеми западными исполнителями, что они будут получать за выступления в России те же гонорары, что и год назад.

– Поверьте, в «Мете» гонорары настолько небольшие, что певцы выступают там больше ради престижа. Возможно, лет 20 назад они считались неплохими. Но с тех пор не изменились, а доллар за это время очень сильно девальвировался. Кроме того, певцам приходится на свои деньги снимать квартиры, я не говорю уже о других расходах. Но все же Метрополитен Опера остается одним из тех оперных театров, в котором каждый проект привлекает внимание культурной общественности, поэтому я считаю, что нужно там петь. Можно отказаться от постановки в опере Чикаго или Сан-Франциско, но в «Мете» лучше появляться регулярно.

– Вы ничего не предпринимаете для поддержки этого театра? Вам не хочется помочь ему, как Пласидо Доминго театру Ковент-Гарден, когда он исполнил там главную партию в опере «Симон Боканегра», которая написана для баритона?

– Пласидо Доминго планировал спеть эту оперу давно. Во всяком случае, я уже года два-три назад об этом слышал. По-моему, журналисты просто ловко связали его новый проект с нынешней экономической ситуацией.

– Вы слышали, как он исполняет эту партию?

– Недавно слышал. На гала-концерте в «Мете» он исполнял сцену из этой оперы вместе с Анжелой Георгиу, это было потрясающе. Я был очень рад за Пласидо. Мы коллеги. Кроме того, мы с ним дружим, и я хочу, чтобы он сохранил свою творческую энергию на долгие годы.

– У вас в оперном мире больше коллег или конкурентов?

– Знаете, оперный мир достаточно обширен, и каждый из певцов может найти в нем какую-то определенную нишу. Меня радует, если кто-то из певцов хорошо поет или играет на сцене. Время от времени я слышу разговоры о конкуренции, но пока с ней не сталкивался.

– Интересно, кого из певцов вы пошли бы слушать в оперу или на концерт?

– Я бы с удовольствием послушал Йонаса Кауфмана, Рене Флеминг, Бриана Терфела. Я считаю, что это абсолютно непревзойденные таланты. Они всегда чем-то удивляют и потрясают. Или пошел бы на концерт Сондры Радвановски, которая уже со мной пела в Москве в прошлом году. В нынешнем году мы уже 13 раз спели вместе спектакль «Трубадур», часть из них – в Метрополитен, часть – в Ковент-Гарден. И каждый раз я испытываю высочайшее эстетическое наслаждение от того, как она поет. Считаю потрясающим певцом Роберто Аланья, который поет со мной Манрико в том же «Трубадуре», – у него прекрасный голос, он отличный коллега и просто очень хороший человек.

– Что сформировало вас как певца?

– Мой талант получил первый толчок и начало в семье. На меня повлияли мои родители, бабушка. Они настаивали на том, чтобы я учился музыке, благодаря этому я стал музыкантом и вышел на дорогу, по которой двигаюсь до сих пор. Следующим поворотным моментом в судьбе стала консерватория, где я учился в классе Екатерины Йоффель. В начале второго курса я попал в оперный театр, был самым молодым и самым самонадеянным солистом, в самых ранних годах получил возможность петь на сцене. В общем, я попал в совершенно уникальную ситуацию.

Необычайное участие в моей жизни и моей карьере с первых шагов приняла Ирина Архипова, и она делает это до сих пор. Я всегда с благодарностью вспоминаю об этом. А поворотным моментом в моей карьере стала победа на конкурсе Би-би-си в Кардифе, куда Ирина Константиновна меня не просто пригласила, она меня заставила туда поехать.

– А вы не хотели?

– Нет, я не хотел, я собирался ехать на другой конкурс. Она мне просто приказала, сказав: «Дима, ты обязательно должен поехать, и ты поедешь. Это очень большой конкурс, к тому же телевизионный, и ты как комплексный (так она сказала) певец должен там очень хорошо показаться». Так она меня в Кардиф и привезла. А я был очень недоволен: поехал черт знает куда, в какой-то Кардиф – я даже не знал, где это. Но именно благодаря этому конкурсу я прославился. То, о чем я рассказал, и сформировало меня как певца, и заставило посвятить всю свою жизнь этой работе. Я бесконечно обязан тем людям, которые делали мне добро.

– Бывали такие, кто пытался вам повредить?

– Да, но я им тоже благодарен. Они воспитывали мой характер, и это тоже мне помогало.

– Вы оказались самым молодым певцом в Красноярском театре. Страшно было выходить на сцену в первый раз?

– Я не очень хорошо помню то время, но в юношеском возрасте я вообще мало чего боялся. У меня было шапкозакидательское настроение. Я сопоставлял себя с Карузо. И это было правильно, я сразу поставил себе предельно высокую планку. И когда я оценивал себя с такой точки зрения, мне было не очень страшно. Страшнее становится позже. С возрастом все больше возрастает чувство ответственности. Осознавая это в полной мере, начинаешь волноваться. Но это уже совсем другое волнение.

– В нынешнем году вы были номинированы на премию «Грэмми». Не расстроились, что ее вам не дали?

– Я отношусь к премиям спокойно: не думаю, что в моей жизни что-то изменится, если я получу или не получу какую-нибудь из них. К тому же, это была премия не мне, а оперной постановке и фильму, который был сделан Гергиевым со мной, с Рене Флеминг и Рамоном Варгасом. Так что, не кривя душой, я могу сказать, что ничего не ждал и что мне было абсолютно все равно. С одной стороны, опера и фильм и так пользовались таким успехом, что премия «Грэмми» вряд ли бы изменила эту ситуацию, с другой, любая премия – всегда лотерея, не понятно, кто и за что

выбирает лауреатов. Я даже не знаю, кто присуждает эту премию, а когда не видишь, не знаешь, сильно не надеешься на какую-то награду, то спокойно относишься к тому, что ее получил кто-то другой.

– Слышала, что вы записали диск с композитором Игорем Крутым. Чем вызван ваш интерес к поп-музыке?

– В школе я играл в вокально-инструментальном ансамбле, а в последние годы постепенно вернулся к популярной музыке. Мой интерес к ней возник после диска и концертов военных песен. Тогда я почувствовал, какой резонанс вызывает каждое мое выступление. И вместо того чтобы устраивать какие-то выступления с популярными эстрадными знаменитостями, я решил взять инициативу в свои руки.
